*В.Л. Нежданов**

«24 истории о сыновней почтительности»: текст и интерпретация в историческом и социальном контексте

АННОТАЦИЯ: «24 истории о сыновней почтительности» — один из известнейших памятников китайской литературы и важный источник для изучения конфуцианства, продолжающего играть значительную роль в общественной и политической жизни Китая. Посредством интерпретации рассказов о сыновней почтительности (*сяо*) появляется возможность не только проследить развитие этой философской концепции, но и понять её место в современных общественных отношениях Китая.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сыновняя почтительность, *сяо*, конфуцианство, Конфуций, древность, история, общество, Китай.

Литературное произведение под названием «Двадцать четыре истории о сыновьей почтительности» (*Эри ши сы сяо* 二十四孝) приписывается Го Цзюй-цзину 郭居敬 [8, p. 16], поэту, жившему во время династии Юань. В своей основе рассматриваемый литературно-философский памятник продолжает конфуцианскую традицию изучения и пропагандирования принципа *сяо* 孝, означающего почтение к старшим по социальному положению, возрасту, статусу и т.д. Вместе с этим произведение Го Цзюй-цзина является первым записанным и редактированным изданием «24 историй», что может означать, с одной стороны, достижение какого-либо консенсуса в традиционной культуре по представлениям о «почтительном отношении к старшим»,

* Нежданов Владимир Львович, бакалавр международных отношений, магистр востоковедения, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия; E-mail: vn1993@ya.ru

© Нежданов В.Л., 2016

но, с другой стороны, необходимость подчеркнуть китайскую традиционную специфику в национальной культуре в противовес монгольской династии Юань.

Однако прежде чем переходить к анализу текста и рассмотрению возможных идеологических и философских посылов «24 историй», необходимо кратко дать определение и рассмотреть сферу применения философской концепции *сяо*. Так, можно говорить, что *сяо* является одним из наиболее древних китайских этических представлений. *Сяо* была введена в общественно-бытовой оборот школой *жу-цзя* 儒家 (конфуцианцами) ещё при жизни Конфуция приблизительно в VI–V вв. до н.э. При этом можно считать, что использование принципа *сяо* в философии Конфуция было направлено на то, чтобы заручиться поддержкой вышестоящих в переживавшем кризис чжоуском обществе [5, с. 84].

Во время становления школы *жу-цзя* (конфуцианцев) происходил распад традиционных общинных структур, построенных на зависимости младших поколений от старших, и конструирование нового типа общества, построенного на владении частной земельной собственностью. Вместе с тем, Конфуций и его последователи, опирающиеся на *Лунь-юй* как на источник, наиболее близкий к идеям Конфуция, не разделяли общества и государства, считая их единым организмом. По этой причине конфуцианцы ввели термин, который до сих пор используется в китайской политике, а именно *го-цзя* 国家, или «государство-семья» [5, с. 85–108]. Таким образом, *сяо* выступает в роли цементирующего компонента, который устанавливает нормы поведения людей и охраняет от изменения государственные структуры. Главной функциональной ролью *сяо* в философии конфуцианства можно считать идею преемственности поколений, уважения к традициям своей семьи, а через неё и к культурным традициям всего китайского этноса. Именно поэтому в *Лунь-юе* можно выделить два эпизода из главы 1 «Учиться», в которых запечатлён базис концепции *сяо*: «Дома младшие почтительны к родителям, а на стороне послушны старшим, осторожны и правдивы, полны любви ко всем, но близки с теми, в ком есть человечность. Если при этом остаются силы, то стремятся обрести учёность» [2, с. 17]. Второй базовый эпизод: «Кто вглядывается в устремления своего отца, когда он жив, а после смерти — в то, как он поступал, и не меняет его пути в течение трёх лет, тот может называться почитающим родителей» [2, с. 18]. В общественной структуре это положение разделяет общество на группу отцов — старших братьев, а именно тех, на кого направлено почтение, и группу сыновей — младших братьев, кто должен подчиниться и проявлять почтение [5, с. 16–17]. Развиваясь в

рамках идей Конфуция о человеке, наибольшее проявление сыновней почтительности приписывается благородному мужу — социальному идеалу школы *жу-цзя*. В *Лунь-юе* сказано, что «сыновняя почтительность (*сяо*) и любовь к старшим братьям — основа человеколюбия (*жэнь*)». В то же время *жэнь* 仁 является центральной характеристикой благородного мужа, а значит, проявление *сяо* и *жэнь* является гарантом карьерного роста в рамках школы *жу-цзя* [3, с. 19].

Другой стороной в истории появления «24 историй» является само время создания этого сборника, а именно период господства в Китае монгольской династии Юань, который считается временем национального унижения. В этот период монголы, захватившие власть в империи, выстроили такую модель общества, которая подразумевала нахождение этнических монголов на самом верху общественной пирамиды, а этических китайцев-ханьцев на её дне. Эта общественная модель была нацелена на предотвращение растворения монголов в китайском этносе. Однако и при Юань в Китае сохранялись академии, что позволяло продолжать традицию хранения книг и поддержания национальной культуры при условии сохранения определённой дистанции с монголами. Достаточно быстро монголы начали китаизироваться, и уже в 1313 году был издан указ об экзаменах. Вместе с этим монгольская среда с недоверием относилась к конфуцианству, которое к тому времени уже пережило ханьскую и сунскую трансформации [4, с. 229–242].

Именно в это время и были составлены «24 истории». Скорее всего, эти рассказы о сыновней почтительности существовали в народном творчестве уже на протяжении веков. Так, наиболее древний из рассказов относится к «Эпохе пяти императоров», а наиболее современные — к эпохе Сун [6, с. 2, 82]. Вместе с этим существуют несколько историй, в которых о личности главного героя ничего не сказано, отсутствует даже ссылка на исторический период рассказа, что может указывать и на более позднее, чем эпоха Сун, время создания. Таким образом, учитывая особое значение числа 24, можно сделать предположение о том, что текст «24 рассказов» был различным в разные эпохи, представляя собой этический и эстетический срез предпочтений средних слоёв населения Китая. Однако возникает вопрос: «Что послужило причиной литературного переосмысления историй?» Возможным ответом являются исторический контекст и базовые постулаты конфуцианства. Так, противопоставляя китайский этнос монгольскому, Го Цзюй-цзин записал истории о сыновней почтительности, которые до этого изустно были известны всем почитателям Конфуция. Однако это литературное произведение имело в тот период определённый политический вес. С одной стороны, развивая историю

концепции сыновней почтительности, подспудно приводится доказательство исторического превосходства китайцев над монголами, которые только недавно обзавелись государственностью. С другой стороны, концепция *сяо*, тесно связанная с традиционным государственным устройством Китая, соответствует идеологическому стремлению образованных этнических китайцев вернуться в «золотой век» государственности и представлению о непрерывности культурной и государственной традиции Китая, ведь, пока сын почитает отца, будет существовать и общественно-государственная структура традиционного Китая.

Вместе с этим в тексте «24 историй о сыновней почтительности» можно увидеть не только идеологические мотивы, опирающиеся на исторический контекст, но и философско-эстетические стороны.

В первую очередь, при рассмотрении «24 историй о сыновней почтительности» появляется гипотеза о неслучайном количестве рассказов о *сяо*. Так, число историй о сыновней почтительности равняется 24, что совпадает с количеством сезонов в традиционном китайском аграрном календаре и получасий в сутках. Если опираться на сезонность китайских историй о сыновней почтительности, то можно с уверенностью разделить их на следующие группы по сезонам года (здесь отмечено в контексте европейского деления года). Среди историй, происходящих зимой, можно отметить «Слушая мать, носить одежду из тростниковых листьев» [6, с. 10], «Похоронить сына, чтобы выкормить мать» [6, с. 30], «Лёжа на льду, ловить карпа» [6, с. 70], «Благодаря слезам вырастает бамбук» [6, с. 62]. Во всех этих рассказах прослеживается сезонность либо просматриваются мотивы сезонных недугов (болезни, голод и т.п.). Летними историями можно назвать «Сыновняя почтительность способна сдвинуть небо» [6, с. 2], «Носить рис для родителей за сто *ли*» [6, с. 6], «Напоить родителей молоком оленя» [6, с. 22], «Развлекать родителей представлениями» [6, с. 18], «Продать себя, чтобы похоронить отца» [6, с. 50] и другие. Среди этих историй маркером времени года является, как правило, упоминание полевых работ, зелени на улице, большого количества комаров по вечерам. Остальные истории можно отнести к промежуточной категории весна–осень. В этих историях не присутствует маркера, который указал бы на время года, а также нет указания на сезонные работы. По причине «сезонности» историй можно выдвинуть гипотезу об их этическом значении. Автор подчёркивает, что нет того сезона в году, когда сын бы не почитал своего отца и мать. По этой причине с философско-идеологической точки зрения можно говорить о постоянно-непрерывном воспроизведении китайской общественно-государственной структуры. Другим слоем матрицы на

сезонность историй накладывается время действия. Так, с помощью маркеров можно точно сказать, что история «Кормить собой комаров» [6, с. 74] — ночная, так как в ней описано время отхода отца ко сну, в истории «Пробовать на вкус испражнения» [6, с. 78] указано на ночную молитву главного героя. Этот этический уровень отмечает, что нет и одного часа (получасия) в сутках, когда сын не мог бы думать о *сяо*, он занят почтением родителей всегда.

Помимо связки «24 историй о сыновней почтительности» с китайской нумерологией, имеется возможность интерпретации историй в рамках концепции «расширяющейся древности» в китайской культуре. Истории о сыновней почтительности берут начало в глубокой древности, а наиболее современная история относится к эпохе Сун. По этой причине можно судить о постепенном увеличении числа примеров сыновней почтительности, возможном изменении историй со временем, а также о расширении сферы древности (*гу*) в китайском историческом сознании. Известным фактом является то, что базис китайской культуры предполагает опору на более древние эпохи с целью построения идеального общественно-государственного устройства в настоящем и будущем. С этой точки зрения школа *жу-цзя* является наиболее радикальной. Так, основополагающим принципом конфуцианства можно считать развитие идей архетипа Дао, которое после очередной реставрации своего гармоничного присутствия в общественной сфере разбилось на горизонтальную составляющую (*инь*) — даосизм и вертикальную составляющую (*ян*) — конфуцианство. При этом ориентация конфуцианства сосредоточивалась именно на будущем, что позволяло ему включать в древность (*гу*) все моменты прошлого [1, с. 50–55]. По этой причине можно предположить, что истории, записанные Го Цзюй-цзином, являются вариантом, бытовавшим в устной традиции в период династии Юань. Возможно, со временем «новые» истории постепенно вытесняли старые, которые были похожи по сюжету. Не исключено, что в определённые моменты на одну тему могли сосуществовать две и более историй.

Отталкиваясь от идей школы *жу-цзя* при изучении «24 историй о сыновней почтительности», важно помнить об авторитете Конфуция, который уже к III в. до н.э. стал обретать божественные очертания, а к моменту установления династии Юань считался божеством. В редакции Го Цзюй-цзина тексты о сыновней почтительности (*сяо*) опираются на идеи Конфуция. Более того, Конфуция можно считать прототипом героев нескольких историй. Важно заметить, что согласно биографии Конфуция он потерял отца в 3 года. При этом, в корпусе «24 историй» присутствует несколько эпизодов, произошедших в эпоху Чунь-цю с учениками Конфуция, а также простыми людьми.

Центральным моментом этих историй является то, что сын ухаживает за матерью после смерти отца либо в его отсутствие. Такая ситуация наиболее ярко складывается в истории «Почувствовать боль от укуса пальца», где главный герой одновременно является и выдающимся учеником Конфуция, и лишён отца [6, с. 14]. Другие истории из эпохи Чунь-цю, где фигурируют ученики Конфуция, касаются ухода за престарелыми родителями и периода после их смерти, а также послушания отцу после смерти матери. Возможно, упоминание учеников Конфуция в рамках указания на идеальное исполнение *сяо* имеет стремление поднять их статус над остальными последователями школы *жу цзя*.

С другой стороны, вызывает интерес история «Почувствовать боль от укуса пальца», в которой явно просматривается аналогия с Конфуцием: ранняя потеря отца и почтение матери при ранней заинтересованности в изучении ритуалов. Подобная аналогия обнаруживается и в истории «Взять мандарины для матери» [6, с. 58]. В обоих случаях сын проявляет заботу о матери, а текст указывает на раннее постижение таинств ритуала и почитания родителей. Важно отметить, что в данном случае уподобление Конфуцию со стороны героев рассказов происходит в лоне раннего понимания принципов *жэнь* и *сяо*. Так, в истории о пальце говорится, что «Жэн Шэнь (герой рассказа. — *В.Н.*) получил большие знания, восприняв из *Лунь-юя* принцип „проверять себя каждые пять дней“, что позволило ему воспитать характер. Говорят, что он комментировал „Великое учение“, а также „Канон сыновнего благочестия“» [6, с. 14]. Такое описание героя, помимо сходства с Конфуцием, ставит его в ряд выдающихся конфуцианцев, ведь он участвовал в комментировании канона, составляющего Четверокнижие. В рассказе о мандаринах важно следующее: главный герой «Лю Цзи спрятал за пазуху два мандарина. Перед самым отъездом они упали на пол. Тогда Юань Шу (друг отца. — *В.Н.*) решил высмеять Лю Цзи и сказал: „Лю Цзи был гостем в моём доме, но зачем-то решил украсть мандарины“. Лю Цзи ответил: „Моя мать очень любит мандарины, поэтому я и решил взять и принести матери, чтобы угостить её“. Юань Шу, увидев в этих словах, что в столь малые годы Лю Цзи уже приходит к пониманию сыновней почтительности, был изумлён. По прошествии времени Лю Цзи приобрёл обширные знания. Он знал астрономию, календарное летоисчисление. Им были написаны „Карта небесной сферы“, комментарии на „Канон перемен“ и „Канон Великой Тайны“» [6, с. 58]. Важным моментом в этом отрывке является факт самостоятельного понимания принципов общественных отношений древности. Это можно рассматривать как намёк на Конфуция, который также сам постиг и интерпретировал постулаты древних времён.

Помимо прочего, в «24 историях о сыновней почтительности» встречаются примеры проявления *сяо* со стороны жены сына или со стороны дочери. Так, в историях «Не отлынивая, кормить свекровь грудью» [6, с. 90] и «Бьющий ключ с карпами» [6, с. 42] главным героем является женщина, которая проходит этическое испытание терпением либо через изгнание из семьи. Эти примеры важны ещё и тем, что помимо литературного эстетического наслаждения в них отражена важная семейная функция женщины, которая по этическим характеристикам не уступает мужчине. В истории о карпах прослеживается синкретизм религии Китая, допускающий одновременное почитание конфуцианства, даосизма и буддизма. Это выражается в том, что конфуцианский принцип *сяо* в этой истории сосуществует с рассказом о двух карпах в бьющем ключе, что является скрытым указанием на начала *инь-ян*, символизирующие даосизм и буддизм.

Вместе с тем, в истории «Спасая отца, придушить тигра» наблюдается смена гендерной принадлежности героя. Интересно отметить, что часть исследований по этой тематике, сделанных в Европе и США, относят эту историю к категории почитания отца дочерью, а что современная китайская культура изображает главного героя этого рассказа мальчиком (см. [7]). Таким образом, не исключено, что разночтения в классическом тексте, а также вкусы тех или иных интерпретаторов могли «менять» гендерную принадлежность героев тех или иных историй.

Подводя итог, важно отметить сходство всех «24 историй», которое заключается в связке «общественное этическое поведение — успех на государственной службе». Практически все истории за небольшим исключением отмечают карьерный рост главного героя (или мужа героини) в качестве чиновника, дважды повествуется, как благодаря принципу *сяо* главный герой смог стать императором. Данный пример наглядно подтверждает конфуцианский принцип единства общественного и государственного, когда за заслуги в обществе именно благородный муж получает право занять государственный пост. Что же до исторической перспективы, то, прибегая к конфуцианским ценностям, Го Цзюй-цзин указывал на нелегитимность монгольской власти в Китае.

Таким образом, «24 истории о сыновней почтительности» являются важным источником сведений о развитии идей конфуцианства в общественной жизни Китая, служат маркером для определения отношения образованной части китайцев к монголам. На сегодняшний день проблемой является не только интерпретация, но и изучение «24 историй», так как до сих пор не существует перевода, который был бы официально опубликован и признан, также нет исследований о

работах, не только обрамляющих этот текст, но и предшествовавших его написанию. Изучение этого памятника и сопутствующих ему текстов — задача будущего.

Литература

1. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. + доп. том. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2006–2010. Т. 1. Философия / Ред.: *М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов*, М., 2006.

2. *Конфуций*. Изречения. Книга песен и гимнов. М.: АСТ, Астрель, 2011.

3. Конфуцианское «Четверокнижие» (Сы шу) / *А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов, Л.С. Переломов, П.С. Попов*, М.: Восточная литература РАН, 2004.

4. *Меликсетов А.В.* (ред.). История Китая. М.: Изд-во «Высшая школа», 2002.

5. *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1981.

6. Эршисы сяо 二十四孝 (Двадцать четыре истории о сыновней почтительности). Тайбэй, 2012.

7. Эршисы сяо чжи шисы «Э ху цзю фу» 二十四孝之十四 “搤虎救父” (14-я история из 24 историй о сыновней почтительности, «Спасая отца, придушить тигра») // URL: https://www.youtube.com/watch?v=E1xFiLKmJHY (дата обращения: 6.11.2015)

8. *Winakur Jerald*. The China Syndrome Ails America Too // Caring for the Ages, Meditations on Geriatric Medicine, January 2013.

V.L. Nezhdanov*

“The twenty-four filial exemplars”: text and interpretation in historical and social context

ABSTRACT: «The twenty-four filial exemplars» is one of the classical texts of China’s literature. However this text is also important whence learning Confucianism which still plays a great role in the social and political life of China. Through interpretation of filial piety (*xiao*) we get a possibility not only to witness the development of this philosophical concept, but also to understand its place in contemporary social relations in China.

KEYWORDS: filial piety, *xiao*, Confucianism, Confucius, ancient, history, society, China.

* Nezhdanov Vladimir Lvovich, bachelor of international relations, master of oriental studies, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; E-mail: vn1993@ya.ru